

воскликает: «Оле суетства суетств! Доброта не зрится, красная риза паче человека чтится».⁶

С придворным укладом, по-видимому, связано и обилие «прохлаждающихся» персонажей в пьесах, частые картины пиров и трапез, уходы персонажей «почивати».

Полководец Артаксеркса Аман собирается к царю на пир:

Мя ныне царь к столу прити велел

И тако у него в вине аз все забуду:

Ярость, гнев и печаль, дондеже там пребуду (л. 44 об.).

Сходное желание выражает и блудный сын: «Желаю погуляти, тем быти блаженный» (л. 606). «Еще на печаль кто врачество знает?» — спрашивает блудный сын. И ему отвечает слуга: «Утехою печаль обычно лечити, сладкоигрателем вели приходити» (л. 608—608 об.). Навуходносор в пьесе Симеона Полоцкого тем же способом хочет отвлечься от печалей, приказывая слугам: «Вы днесь печалей нам не поминайте, о мусикии сладцей промышляйте» (л. 618 об.). Так три персонажа из разных пьес одинаково лечат «печаль». Нескончаемая вереница «прохлаждств», пиров и веселий тянется через все пьесы.

Но «прохлаждство», богатство одежд, щедрая заботливость царя входили в «светлую» сторону придворного идеала, отразившегося в пьесах. В придворных представлениях о мире была и «темная» сторона, которую пьесы также отразили. Гармонично устроенный мир в изображении тех же пьес оказывается чрезвычайно неустойчивым.

Переход от счастья к несчастью в пьесах очень резок. Достаточно случайного нарушения, чтобы гармония сразу превратилась в дисгармонию. Так, из-за неправильно понятых слов рушатся устои придворного благополучия. Например, в «Артаксерксовом действе» царь скучает по царице Астинь, которую не видел семь дней, и посылает за ней: «... зане ми сердце тужит ... да идет же ко мне, в венце своем убравшись и в прочих утварех, сама ся украсивши, да вси велможи, лепоту ея взирая, яко краснейшу всех, всех жен избраннейшая» (лл. 3 об.—4). Но Астинь, когда ей передают слова Артаксеркса, истолковывает их по-иному, как унизительное предложение. В Библии гнев Астинь объяснен; но в пьесе, если исходить из ее текста, ничего унижающего Астинь в речи царя нет: он просто соскучился по царице.⁷ «Чего же царь от мя желает сотворити, — спрашивает Астинь, — и хошет мя весмя народом посрамити? Да яз открыются беседам оных пьяных князей толиких стран? О, хотение безумных!» Подданные убеждают Астинь, что царь хочет другого: «Желает убо царь, да приидеши прекрасна, да купно весь народ себе вси увещають, подобную тебе нигде же обретають». Но Астинь настаивает на своем понимании слов царя: «Слышу аз, добре слышу, како есть ваше хотение, еже народом всем представить ми в посмеяние». «Какая сия мысль!» — пугаются придворные и снова разъясняют царице мысли царя: «Но мысли его советують, да вси князи, вси купно тя почи-

⁶ Стихотворение «Риза». — В кн.: Симеон Полоцкий. Избранные сочинения, стр. 21. Упоминания о шелке связаны с русско-персидскими переговорами тех лет.

⁷ Эту черту Артаксеркса в пьесе отмечал А. А. Мазон. По его словам, Грегори у Артаксеркса «смягчает тени, которые Библия бросает на его облик. Так, например, Артаксеркс, представленный пастором Грегори, не похож на библейского пьяницу, который на седьмой день пира цинично приглашает королеву Власти открыть свою красоту перед всеми гостями; этот деспот неожиданно сентиментален и нежно влюблен» (А. А. Мазон. «Артаксерксово действо» и репертуар пастора Грегори. — ТОДРА, т. XIV, М.—Л., 1958, стр. 358).